

Валерий Брюсов

Федор Сологуб как поэт

Валерий Яковлевич Брюсов

Федор Сологуб как поэт

«Стихи Федора Сологуба начали появляться в печати в 90-х годах. То было время, когда над русской поэзией всходило солнце поэзии Бальмонта. В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Душами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонко-певучий стих. Подчиняясь Бальмонту, все искали в стихах...»

Валерий Брюсов Федор Сологуб как поэт

Стихи Федора Сологуба начали появляться в печати в 90-х годах[1]. То было время, когда над русской поэзией всходило солнце поэзии Бальмонта. В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Душами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонко-певучий стих. Подчиняясь Бальмонту, все искали в стихах

уклоны,
*Перепевные, гневные, нежные зво-
ны.*

В эту эпоху поэзия Ф. Сологуба, облеченная в скромные, с виду крайне непростые одежды, привлекала внимание лишь немногих ценителей, обладавших особенно острым взглядом. Так, одним из ее страстных поклонников был безвременно погибший Иван Коневской, отдававший Сологубу предпочтение перед всеми современными ему поэтами. Надо было пройти эпохе первого увлечения Бальмонтом (эпохе, когда более ценили внешнее мастерство его стиха, чем истинный смысл его творчества), надо было всем возжаждать

пушкинской простоты, чтобы совершилось обращение широких кругов читателей к поэзии Сологуба.

Впрочем, такое отношение к поэзии Сологуба объясняется еще и теми трудностями, какие она представляет для своего понимания. Она слишком строга и серьезна, она скорее отпугивает при первом знакомстве, чем привлекает, ее «необщее выражение» надо высматривать. Не только ничего показного нет в стихах Сологуба, но их музыку надо ловить, вслушиваясь в них чутко; красоту линий его образов надо пристально высматривать. Смысл его поэм затаен глубоко, и если иногда он и предлагает читателю основы своего мирозерцания в форме сжатых афоризмов, то чаще он предоставляет угадывать свою мысль за холодными иносказаниями. Резкое нарушение пропорций запоминается скорее, чем стройная гармоничность; удивление способствует вниманию. Сологуб в стихах редко удивляет, большей частью его стихи кажутся повторениями уже знакомого, и поэтому многие просматривали в них всю их оригинальность.

Однако простота Ф. Сологуба – именно простота пушкинская, ничего общего не имеющая с небрежностью. Ничего случайного, ничего произвольного Сологуб не хочет допустить в свои стихи. Все его выражения, все его слова обдуманы и осторожно выбраны. Такая простота в сущности является высшей изысканностью, потому что это – изысканность скрытая, доступная лишь для зоркого, острого взгляда. Многие, например, читая хотя бы такую строфу:

*Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу, –*

не обратят внимания на всю изощренность ее рифм, в которых согласована не только *consonne darrii*, но и предыдущая гласная. Многие также, пробегая глазами ровные, спокойные строки стихов Сологуба, без всяких «перепевов», кричащих внутренних рифм и т. п., не заметят поразительного разнообразия употребляемых им размеров. Так, например, в I томе его собрания сочинений, на 177 стихотворений более ста различных

метров и построений строф; отношение, которое вряд ли найдется у какого-либо другого из современных поэтов. Точно так же не все уловят оригинальность и смелость сологубовских эпитетов, оборотов речи, которые сначала кажутся взятыми из разговорного языка. «Безответное светило», говорит он о солнце: как это глубоко! «томительные страны» называет он наш мир: это и просто и сильно! «преодолею я дикий холод», признается он где-то: как забыть это выражение?

Почти с первого своего выступления в печати Сологуб уже был мастером стиха, и таким он остался до конца. У него не было тех взлетов и срывов творчества, как, например, у Бальмонта. В разных стихах та же твердая рука, проводящая безукоризненно верные линии, как и в последних. Только с годами все более и более смелые задачи ставит он себе как художник и каждый раз оказывается подготовленным именно к разрешению их. Словно какой-то мудрый учитель руководит им, располагая работы ученика по мере их трудности и на более легком подготавливая его к исполнению более ответственного. Центр твор-

чества остается все тот же: Сологуб не знает перебегания от «северного неба» на «светлый юг», от славословий печали к гимнам огню и веселию; он стойко стоит на избранном месте, но широкими, концентрическими кругами расходится его творчество, захватывая все более обширные области и вместив, наконец, в себя весь мир. В одном стихотворении Сологуб приветствует

*И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды!*

Этот «неустанный труд» проникает всю его поэзию, дает ей ее силу и ее своеобразное величие.

В ранних стихах (Книга первая и вторая, 1896 г.) Сологуба захват его поэзии еще ограничен. Это «запах асфальта» в городе, «вожде-ленный сон», «ряска, покрывшая старый, дремотный пруд», сквозь которую не выплывет нагая русалка, порой «майские песни, нежные звуки!». Мир, тяготящий поэта, еще закрыт здесь своими обычными покровами, серыми, томительными, и только один «сон», одна «мечта» кажутся избавительными при-

ютами. Может, всего характернее для этого периода творчества Сологуба его стихи:

*Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованьям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине...*

Между этими начальными книгами и «Собранием стихов» 1904 года – расстояние огромно: словно из тонкого побега вырос крепкий ствол дерева. Сологуб нигде не рассказывает, что именно пережил он за эти годы, и оставляет читателям догадываться по таким намекам:

*это вражья сила
Сокрушила бубен мой...*

В новых стихах Сологуба для поэта со всего в мире сорваны его обличия: он знает, уверенно знает, что скрывается под кажущимся людям солнцем, под призрачностью весен, под условностями любви. Он обо всем гово-

рит с такой убежденностью, как будто бы Некто всеведущий открыл ему все тайны вселенной, посвятил его в последние мистерии мироздания... Да так оно и было: Сологуб разгадал, понял самого себя, а что же есть для человека за пределами его души, его восприятий, соображений и воспоминаний?

И вот начинаются те беспощадные обличения мира, перед которыми первые стихи Сологуба кажутся робкими приступами, слабым исканием слов.

*Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет...
Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах...*

Что прежде было тихой скорбью – стало буйством духа и страстью:

*Ты, буйный ветер, страсть моя!
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Отвеяв прелесть бытия.*

По-прежнему «мечта» кажется единствен-

ной утешительницей, но как изменился и ее облик! То, на что лишь робко смели намекнуть первые песни («Ее чертоги – место пыток»), теперь сказалось с крайней силой, засверкало сиянием застывшей молнии:

*На лбу ее денница
Сияла голубая...*

.....
*Хотелось ей неволи,
И грубости лобзаний,
И непомерной боли
Бесстыдных истязаний...*

И, стихотворение за стихотворением, стих за стихом, Сологуб в уверенных словах являет перед нами свой отныне навек существующий мир. Он говорит о «земном ненужном строе», «застенке томительных дней», о «неизменной земле», по которой «влачится» ручей, об обставших вокруг, «всегда безмолвных», предметах, и все эти эпитеты, столь простые с первого взгляда, образуют крепкую и неразрывную систему мысли, какую-то ловчую сеть, в которой неизбежно запутывается читатель. Сологуб умеет «ловить человекoв», нельзя безнаказанно читать пристально его

стихи: они покоряют.

После «Собрания стихов» следовало несколько маленьких книжек, скорее отдельных «циклов стихотворений», чем самостоятельных книг, открывавших ту или другую сторону мирозерцания поэта. Новым завоевательным этапом была «8-я книга» стихов: «Пламенный круг». По многим причинам эту книгу надо признать самой прекрасной из книг Сологуба. Как то всегда бывает у поэтов, которым уже не надо искать, но лишь выражать найденное и осознанное, – стих Сологуба достигает здесь высшей красоты. Здесь его самые певучие песни, изысканные по построению, превращающиеся порой в нежную музыку (таковы, например, две колыбельных песни, «Степь моя», «Любовью легкою играя» и многие другие). В то же время здесь и самые совершенные его создания, иногда повторяющие уже сказанное им раньше, но с новой силой и с новой страстью.

Смысл книги, кажется, выражается стихами:

*Наивно верю временам,
Покорно предаюсь простран-*

ствам...

После буйного мятежа предыдущей поры Сологуб, не отказываясь ни от одного из своих утверждений, готов здесь «принять мир» как неизбежно данное, согласен видеть всю его красоту, хотя бы и обманную. Из этого возникают пленительные песни о «прелестях земли» и об «очарованиях жизни». Об этом говорит и вступительное стихотворение, где рассказывается, как некогда первозданного человека, Адама, покинула его небесная подруга, Лилит, и как поселилась с ним земная Ева. Славословиям этой Евы, и всего в мире связанного с ней, и посвящена книга. И сам поэт, не без изумления, спрашивает:

*Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладость?*

А тем, кто решился бы напомнить Сологубу о дерзаниях его прежних книг, он мог бы ответить своим стихотворением «Ангел благого молчания», который –

*...отклонил помышления
От недоступных дорог.*

Но эта просветленность «Пламенного круга» – вторичная; она добыта ценой тяжелого омрачения прежних созданий. Поэтому нет в ней ничего легкого, поверхностного: это – просветленность страшной глубины, которую все же пронизывает слишком яркий луч. Может быть, ничто не покажет так отчетливо громадное расстояние, отделяющее последние стихи Сологуба от ранних, как сравнение двух его стихотворений, равно посвященных качелям, из которых одно вошло в первую книгу стихов, другое – в восьмую. В первом стихотворении качели повешены где-то среди «утомонившихся берез», в тени сада, «в истоме тихого заката»:

*То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели...*

Во втором стихотворении качели качает «мохнатую рукой» черт, качает их «в тени косматой ели над шумною рекой»:

*Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется...*

.....
*Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд...*

Мир осложнился для Сологуба, его явления углубились, в каждом из них открылся многообразный, символический смысл...

После «Пламенного круга» новые стихи Сологуба развивали те же темы и вполне раскрывали то же его мировоззрение.

Нет сомнения, что Сологуб – поэт крайне субъективный, хотя он далеко не всегда говорит от первого лица. В конце концов, единственная задача его поэзии – раскрытие своеобразного мирозерцания поэта. И рисуя картины природы, и рассказывая свои странные баллады, и повторяя античные мифы, – Сологуб занят лишь собой, своим отношением к миру. Когда, например, Шиллер рассказывал о Кассандре, он заботился прежде всего о том, чтобы как можно вернее воссоздать образ древней пророчицы. Сокровенным смыслом сказания остается у него тот, который был затаен в античном мифе. Сологуб, рассказывая нам о Тезее, о Ариадне, о медном змие,

ищет лишь примеров, ярких образов, выражающих его субъективные воззрения на мир и на жизнь. Все стихи Сологуба – только такие примеры, что и делает его поэзию символической, в самом истинном смысле слова.

Только помня это основное назначение поэзии Сологуба, можно верно оценивать его стихи. Все выражения, которыми он пользуется, все его образы имеют целью не столько объективное изображение явлений, событий, чувств, сколько их субъективное истолкование. Надо постоянно иметь в виду особенности Сологуба как индивидуальности, как мыслителя, чтобы вполне понимать его стихи. Только тогда, например, становится ясно, почему у Сологуба дороги всегда «пыльные», «жестокие», «обманчивые», «злые», почему у него солнце – «лютый змей» и «дракон», почему у него чуть ли не все дни оказываются или «туманными», или «нагими, горячими» и т. д. В целом поэзия Сологуба – это строгие гимны во славу Смерти, избавительницы от тяготы жизни, и ее двух заместительниц – Мечты и Сна, при жизни уводящих на берега Лигоя, текущего под лучами звезды Маир.

Только изредка эти гимны прерываются негромкими песнями о земле и ее отвлекающих соблазнах.

Эти особенности поэзии Сологуба определяют и ее слабые стороны. Так, например, слишком занятый «конечным» смыслом своих созданий, Сологуб порой пренебрежительно относится к внешним картинам, создаваемым им, и это приводит к бледности и противоречивости образов. В его стихах встречаются эпитеты, которые имеют смысл как иносказание, но которые кажутся нелепыми, если их взять в прямом смысле. Он, например, может серьезно говорить о земле: «неистощим твой дикий холод», словно забывая, что «много было весен». С другой стороны, слишком занятый жаждой выразить свое понимание мира, Сологуб иногда забывает первый долг поэта – говорить образами, картинками и музыкой слов и начинает отвлеченно излагать свою философию. Одно его стихотворение начинается таким утверждением:

*Разъединить себя с другим собою
Великая ошибка бытия.*

Зачем надо такие мысли излагать стихами? Наконец, слишком многие стихотворения Сологуба – не более как эскизы, случайно набросанные строки, не дающие целостного впечатления. Они – как бы отдельные строфы из какого-то ненаписанного произведения, и, читая их, нельзя не жалеть, что Сологуб часто спешит бросить на бумагу мелькнувшую поэтическую мысль, отрывки чувств, а не стремится всегда синтезировать пережитое и передуманное в художественно-завершенном создании. (Таковы, например, «Изнемогающая жалость», «Моя усталость выше гор», «Вчера в бессилии печали» и мн. др.) Впрочем, не действительно ли это отдельные строфы той единой, стройной поэмы, которую образует вся поэзия Сологуба?

1910

Сноски

Не считая тех немногих стихотворений, которые Ф. Сологуб напечатал в 80-х годах, но не перепечатал в собрании своих сочинений. (См. «Библиографию сочинений Федора Сологуба». Спб., 1909 г.)

[^^^]